

КНИГА И БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЕДИНСТВА И ПУТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ)

ЭМИЛИЯ БЕСПАЛОВА

В проблеме «библиография и книжное дело», «библиографоведение и книговедение» есть такой исторический этап, который не изучен до конца. Это — исторические истоки книги (книжного дела) и библиографии (библиографического дела) в их единстве и начальной дифференциации. Необходимая глубина решений безусловно скрыта от взора исследователя многовековой историей, что не позволяет непосредственно наблюдать рождение «первокнижки» и «первобиблиографии». Все решает сила абстрагирования, основанная на главном обнадеживающем историческом факте — собственно книге как материальной форме закрепления и хранения знаний, практического опыта человечества и разных видов деятельности по созданию книги. Данные виды деятельности представлены нам в виде результата — конкретного документа конкретной эпохи, материализующего графически фиксированную и тиражированную информацию на исторически обусловленном материальном носителе. Сочетание исторического абстрагирования с исторически изменяющимся материальным документом формирует знание о книге в историческом аспекте. Поэтому перед книговедом, как историком книги прежде всего встает вопрос, с какого момента и с какой материальной формы следует вести фактическую историю книги? Очевидно, решающее значение имеет ряд исторических факторов, которые логически можно рассматривать

в плане общей структуры формирования человеческой деятельности, предложенной еще Гегелем: цель, средство, результат.

Цель, которая не могла быть достигнута традиционной устной передачей знания от поколения к поколению, породила средства фиксации знания для его длительного хранения и передвижения во времени и пространстве надежным способом. Способ закрепления и выбор материального носителя становятся целью нового слоя деятельности, в результате которой создается материальная форма, несущая графически выраженную информацию.

Всегда ли конкретный результат это книга? Обязательно ли в этом новом историческом феномене видеть то, что мы привыкли называть книгой в ее исторически обусловленной форме? Нет. И причины отрицательного ответа должны быть установлены.

А. М. Ловягин предлагал исключить из понятия «книга» те формы передачи фиксированной информации, которые не обладают мобильностью и не могут быть использованы достаточно широко. «Говоря о книге в обширном смысле мы совершенно не обращаем внимания на соответствующую традициям форму, принимаем всякую форму книги и не причисляем к книгам только то, что недоступно по материалу, как надписи на скалах и памятниках, и уже потому не может с легкостью быть переносимо с места на место», — писал он¹.

¹ Ловягин А. М. Основы книговедения: Популярный очерк. — Л.: Начатки знаний, 1926, с. 3—4.

Недоступность по материалу имеет важную сторону — невозможность тиражировать источник информации. (Акт тиражирования давно признан книговедами как важный признак книги). Образно говоря, к информации на скале нуждающийся в ней должен был придти, но она не могла придти к нему, разве только через вторичный момент — информацию о факте и содержании информации, имеющей быть на данном месте.

Потребность длительного хранения фиксированной информации, гибких форм ее передачи поставила перед человечеством историческую задачу — найти (создать) универсальный мобильный носитель и форму, которые обеспечивали бы эту потребность. Поиск длился веками и был завершен изобретением бумаги и книги, выполненной на ней. Именно эта форма стала оптимальной и самой распространенной в мире. Таким образом, можно высказать положение, что чем менее природный объект преобразован деятельностью человека для новой цели — хранения информации, чем менее он удобен для тиражирования, тем менее у него оснований считаться книгой. Он — материальный памятник истории, даже если он несет графически выраженную информацию, но не книга.

Целенаправленная предметно-преобразовательная деятельность человека, в результате которой появилась книга как материальная форма, удобная для передвижения в пространстве и времени, имеет длительную историю. Поэтому в понятие «книга» закономерно входит смысл исторического феномена материальной культуры. В книге закреплена исторически обусловленная труд ее создателей, и она есть социальное явление даже в своей материальной форме, ибо в ней закреплена особая действительность общественного субъекта.

Материальной стороной книги является не только то, из чего она сделана, но и графическая форма результата идеальной деятельности создателя текста. Появление письменных языков человечества и форм их фиксации — это сложнейшие процессы, также породившие книгу и в значительной степени усовершенствованные ее развитием. В данном случае речь идет не столько о семантике языковых систем, сколько о форме их материализованного существования.

Главный смысл сказанного в том, что книга есть предметный результат разных видов духовно-практической деятельности. В ней определен качественно различный труд, поэтому ее исследование, какой бы аспект мы ни взяли, есть процесс распределения, анализа исходных деятельностных влияний и трудовых затрат. В зависимости от того, какой труд, потраченный на создание (производство) книги, подвергается анализу, мы и определяем область научного знания, отнесенного к ней.

Труд создателей книги можно разделить на два основных уровня (слоя) — первичный (фундаментальный) и вторичный (производный) с элементами переходного порядка.

Фундаментальный уровень. Автор — творец идеальной стороны книги, ее содержания. Строго говоря, автор создает документ, но еще не книгу. Это только потенция книги, тем более оправданная, чем больший труд по обобщению и обработке накопленного опыта и знания проделан автором, чем большую общечеловеческую значимость имеет его эстетическое творчество. Творческая деятельность автора — признанный исток и фундамент книги. Созданный автором текст имеет материализованный вид — графику и носитель, то есть необходимые предпосылки стать книгой. Они, следовательно, тоже при-

существуют в фундаменте книги. Специфическая роль их состоит в том, что и графика, и носитель уже являются результатами предшествующей деятельности, благодаря чему книга включена в историческую цепь материальной культуры. Но и творец идеального результата не создает на пустом месте, включаясь в духовную культуру человечества. Поэтому три вида человеческой деятельности стоят у истоков книги — деятельность создателя содержания, знаковой системы, материального носителя, а созданный автором документ имеет потенцию стать книгой. Это фундаментальные виды деятельности, имеющие не только разные атрибутивные характеристики, но и разный исторический смысл. Деятельность создателей знаковых систем исторически устойчива по сравнению с деятельностью творца содержания, которая всегда есть динамический акт современности, имеющий потенцию перехода в классическую ценность духовной культуры. Но для этого книга с ее фундаментальными свойствами должна пройти общественную оценку.

История книги — это история создания тиражированного документа. Тиражирование предполагает появление новых видов деятельности, которые возникают как результат отношения к документу, признания его значимости для многих, для общества. Переписчик, художник, типограф, издатель, редактор и другие лица, имеющие отношение к документу, создают

книгу как тиражированную форму документа. Это вторая группа лиц, персонифицирующих новые виды деятельности, возникшие через отношение к документу и направленные на создание собственно книги. На пути превращения документа в книгу их деятельность носит вторичный характер (через отношение к документу), но для создания книги она фундаментальна. Таким образом эти виды деятельности могут быть охарактеризованы двояко — как фундаментальные, но в то же время имеющие производный характер, то есть, условно говоря, фундаментально-производные, производные.

Такую же оценку документа-книги дает информационный подход. В контексте информационной коммуникации книгу можно рассматривать как первичную документальную информационную систему универсального типа и назначения². Но только в пределах нашей задачи, не преследует о научном (теоретическом или опытным), донаучном знании или несет эстетическую информацию. Материальная форма книги информирует об уровне, характере, исторических особенностях затраченного на ее производство труда. В этом смысле книга как информационный источник существенно богаче рукописи. И все виды труда — духовного и материального — выступают в ней на фундаментальном уровне. На этой основе возникает вторичная структура книги.

² В этом вопросе мы с удовольствием присоединяемся к словам и позиции М. О. Чудаковой, которая пишет: «Функционирование современной книги опирается на культурный авторитет многовекового существования рукописной и печатной книги. Наше представление о книге есть часть представления о культуре вообще, о письменности как ее атрибуте. Культура книжна, а книга культурна; эта ее культурологическая емкость обеспечивает и в обозримой перспективе, несомненно, будет обеспечивать книге доминирующее место в системе культуры, в какие бы отношения она ни вступала со средствами массовой коммуникации». (См. Чудакова М. О. Печатная книга и рукопись: взаимодействие в процессе создания и функционирования / на материале художественной прозы и науки о литературе 1920-х—1930-х гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук.— М., 1979, с. 6).

Нельзя не сказать об исторически преходящей значимости отдельных сторон книги, даже важнейшей из них — содержания. Яркий пример дает изменение функций рукописной и первопечатной книги. У. Г. Иваск писал: «Интерес к первопечатным книгам обуславливается не столько их содержанием (устаревшим и ценным разве только для исследователей-филологов), сколько именно внешностью. Важно в этих книгах не «кто их сложил», и о чем в них говорится, а кто, где и как напечатал; иначе говоря, при обозрении инкунабул на первый план выдвигается вопрос об их исполнении, на них смотрят с точки зрения техники книгопечатного искусства. Инкунабулы служат материалом для наглядной истории постепенного зарождения и начального развития в известной стране или местности книгопечатания и, — благодаря заключающимся в них в изобилии рисункам, — вместе с тем и прикладного искусства»³.

Можно представить, что наука отдаленного будущего не будет нуждаться в содержании современной нам книги. Идеальный труд угаснет, поглощенный последующим знанием, или частично сохранит свою интеллектуальную ценность. Но книга останется историческим памятником культуры и по ней будут изучать, кто и как ее создавал. И если аналогия верна и может быть проецирована, именно материальный труд создателей книги в его массовости и разнообразии может оказаться исторически более интересным для будущих исследователей.

Таковы виды фундаментального и фундаментально-производного труда создателей книги.

Вторичный уровень. Анализ книги в контексте информационной

коммуникации выявляет в ней вторично-документальную информационную структуру. Исток ее — во вторичных видах труда, которые создают, закрепляют и формализуют свойства книги как вторично-документального информационного источника. Исторический механизм появления вторичной структуры таков.

Вторичные виды труда развиваются как отношение к документу, имеющему потенцию стать книгой и становящемуся ей. Фундаментально-производный труд обретает в ходе превращения документа в книгу свои цели и деятельностные формы, закрепляемые в книге. Он становится совокупным вторичным трудом некоторого круга лиц, осуществляющих оценку содержания и других достоинств авторского текста, предвидящих будущую книгу в ее завершённой материальной форме. Вторичный труд имеет свои результативные формы, становящиеся частями книги — ее вторичной структурой.

Элементы вторичной структуры появляются в книге в ответ на потребность общества в динамичном документе и сопутствуют его тиражированию. Они имеют тех же создателей: автора, концентрировавшего содержание документа в его названии; переписчика, указывающего в колофоне свое имя, место, время и обстоятельства труда копирования; издателя, фиксировавшего свои и авторские права на книгу как товар и т. д. Иначе, они вызваны к жизни не потребностями материального закрепления содержательной информации, а потребностями движения книги, к которому она должна быть подготовлена путем закрепления некоторой информации о ней самой. Вторичные элементы книги — это результаты вторичного труда, имеющегося в деятельности автора

³ Иваск У. Г. Об инкунабулах. — Библиогр. известия, 1913, № 3, с. 180.

и усиливающегося в сфере фундаментально-производной деятельности. Это сведения, полученные о различных свойствах книги и присутствующие в ней, то, что можно назвать вторично-документальной информационной структурой, включающей широкий спектр характеристик — имя автора, типографа, издателя, художника, переводчика, редактора, название, год, место издания, тираж, сорт бумаги, формат, знак охраны авторского права и т. д. Многие из этих данных не нужны массовому читателю. Они интересны специалисту-книжнику, исторiku книги, типографскому и издательского дела и сохраняются как следы этих видов деятельности.

Для изучения истоков взаимосвязей книги и библиографической информации важен прежде всего аспект производства книги и ее вторичных элементов, которые можно рассматривать как результаты вторичного труда создателей книги, возникшего через отношение к книге, то есть к предшествующему труду ее создателей. Выскажем убеждение, что книга в значительной мере и есть результат вторичной деятельности, выросшей на отношении общества к документу, закреплённом актом признания права документа стать тиражированным, то есть книгой. Отмеченный ранее

момент вторичности, присутствующий в деятельности создателей книги, означает готовность общества к материальным затратам на ее производство, что само по себе есть позитивный взгляд на документ. Вторичное отношение, реализованное во вторичной структуре книги, означает готовность общества распространять документ, обеспечивая разные моменты движения. Поэтому вторичная структура, с одной стороны, специализирована для данной книги, с другой — универсальна, ибо обеспечивает необходимую коммуникацию. Без вторичных атрибутов книга есть лишь переходная документальная форма с ограниченной функциональностью.

Генетическое родство книги и вторично-документальной информации несомненно. Оно обеспечено вторичной деятельностью создателей книги и есть результат отношения к документу, фиксированный во вторичных моментах⁴. Без относительно развитой вторичной структуры книга не существует в своем качестве общественно-значимого документа. Она, условно говоря, «предкнига», «документ», «постдокумент».

Формы существования вторичной структуры книги. Будучи родовыми деятельностными связями объединена с книгой, вторичная структура имеет исходную форму

⁴ Казалось бы, что в свете сказанного выше термин «вторично-документальная информация» неверен по смыслу, поскольку мы говорим о фактах вторично-книжной информации на основе вторичной структуры книги. Однако исторически понятие «книга» стало широким, включая и памятники без вторичной структуры, и другие формы тиражированных документов. М. О. Чудакова отмечает, что М. Булгаков, например, рукописный вариант произведения оформлял как книгу с ее вторичными элементами. Современная практика оперативного тиражирования рукописей в небольшом количестве экземпляров, но с обязательным набором вторичных сведений едина. Именно по распространенности вторичной системы, а также по удобству терминов и заключенной в нем исходной сути термин «вторично-документальная информация» используется универсально (применяя для любых документальных форм). К вторичной структуре относятся и следы деятельности потребления книги — маргиналии, библиотечные знаки, экслибрисы. Но это другая система, информирующая уже о движении книги, ее распространении и использовании.

существования в ней самой, то есть аффинна. Однако общественная функция вторичной структуры была бы мало оправдана, если бы существовала только в связанной с книгой форме. Она могла бы быть использована как весьма ограниченная система распознавания книги в массе других. Выполнение поисковой деятельности было бы затруднено, ибо неизвестными или известными понаслышке были бы признаки поиска. (Кстати, это свидетельство того, что поисковая функция лежит в фундаменте функций вторичной структуры динамического документа).

Исторической необходимостью стало развитие ряда форм существования вторично-документальных структур информационного назначения. В их основе — новые виды общественного труда, возникающие и развивающиеся как результат общественного отношения к книге как в процессе ее создания, так и потребления.

На эту сторону исторического развития книги и библиографической информации обращалось не слишком большое внимание и только в исследованиях структуры книги и эволюции титульного листа можно найти некоторые материалы. Особенно много было сделано в этом плане в 20-е—30-е годы⁵. В библиографоведении ближе всего к уяснению истоков единства и дифференциации первичной и вторичной документальных структур подошел Д. Ю. Теплов⁶. Он ввел понятие о двух формах существования вторично-документальной информации — в книге и вне ее, назвав их аффинной

и диагенетической библиографией. Деятельностных основ взаимосвязи вторичной информации и книги Д. Ю. Теплов не затрагивает.

Как показывают предложенные Д. Ю. Тепловым термины, речь идет об элементах вторичной структуры в самой книге — библиографическая информация о книге в ней самой — аффинная, или о независимой от книги форме бытования вторичных данных — устной или фиксированной самостоятельной — диагностической — библиографической информации. Именно эта форма позволила О. П. Коршунову дать наиболее четкое определение библиографической информации как существующей отдельно и независимо от документа⁷.

Отделение вторичных сведений о книге от нее самой было революционным скачком в ее развитии как функционирующего духовно-материального фактора культуры и общественной документальной коммуникации в целом. Книгопечатание при всей его прогрессивности породило бы только громадный хаос в функционировании документальной системы, если бы наряду с технологической революцией в производстве книги не была подготовлена революция способа приведения в известность сведений о книге и не началось целенаправленное создание вторично-документальных информационных систем.

Однако существуют и, с нашей точки зрения, должны быть обозначены промежуточные формы существования вторично-документальной информации. Назовем их условно зависимой

⁵ См.: Малеин А. И., Торопов А. Д. О титульном листе. — В кн.: Труды Первого всероссийского библиографического съезда. М., 1926, с. 115—116; Шамурин Е. И. О мерах стабилизации титульного листа. — Та же, с. 116—120; Добрынин А. Ф. Проблема книжного титула. — Сов. библиогр., 1936, № 2, с. 13—30.

⁶ Теплов Д. Ю. Типизация в книговедении и библиографии. — М.: Книга, 1977, с. 57—60.

⁷ Коршунов О. П. Проблемы общей теории библиографии: (Монография). — М.: Книга, 1975. — 192 с.

и полувисимой формами. Они отражают реальные формы бытования самой книги в обществе — более или менее связанные с местом хранения. Этим свойством не обладает и не может обладать диагенетическая форма, являющаяся отражением идеальной «библиотеки» общества.

Зависимая библиографическая информация возникает в местах накопления и хранения книг. Это инвентари и каталоги библиотек, книжных ярмарок, магазинов, выставок. Зависимость их от момента фиксирования книг во времени и пространстве создает форму вторичных сведений, жестко закрепленных именно этим фактом фиксации. Здесь трудится ее создатель, здесь она и используется. Вне данного собрания вторично-документальная информация почти полностью теряет смысл, если потребитель не может к нему обратиться. Она становится случайно используемой. Трудно не увидеть здесь аналогию с надписью на скале как информационным источником, к которому нужно придти. Нужно придти к собранию книг, получив о нем информацию, чтобы использовать книгу по ее вторичному образу.

Рано осознанная ограниченность зависимой формы библиографической информации породила более гибкую полувисимую форму, ставшую переходом от инвентарной книги и карточного каталога к библиографическому указателю, никакими узами не связанному с местом хранения книг. Этой формой являются печатные каталоги библиотек, книжных магазинов, ярмарок, выставок. Смысл полувисимости и полусвободы здесь ясен. Вторичный документ уже существует независимо, но информация в нем еще привязана к месту хранения книги. Отметим, что революционизирующий момент и здесь принадлежит форме книги, существующей независимо, но вторичной, по-

скольку она концентрирует вторичные элементы книги. Следующий логический шаг — материализованный результат вторично-документальной деятельности — библиографическая книга, содержащая информацию о книгах, независимо от места их нахождения. Та форма, которую Д. Ю. Теплов и назвал «диагенетическая библиография».

Вторично-документальная деятельность. На всех этапах исторического изменения формы (структуры) документа-книги присутствуют элементы совмещения разных видов деятельности. К фундаментальной присоединяется фундаментально-производная, которая затем развивается во вторично-книжную. Она, в свою очередь, специализируется и тоже приобретает самостоятельность. За всеми этими переходами стоит момент исторического развития общественной деятельностью структуры и подструктуры «книжное дело» в связи и преемственности формирующихся внутри нее видов деятельности. По мере общественной потребности и общественного признания они профессионализируются.

Становится необходимым пояснить смысл понятия «вторично-документальная деятельность». В нем не только вторичный труд создателей книги — ее вторичной структуры, но и труд человека, отторгающего вторичные сведения от книги и преобразующего их. Эту деятельность выполняет ученый, составляющий автоаннотацию, перечень желаемого для изучения, использованного, изданного им самим; библиотекарь и любое лицо, передающее информацию о книге. Она возможна, поскольку в книге присутствуют результаты вторичного труда. Суть ее во вторичном отношении к книге через ее вторичные элементы. Вторично-документальная деятельность становится развитой, противоположно на-

правленной по цели и результату — закрепить или отторгнуть вторичные данные (результат общественной оценки). Если вторичная деятельность изначально формировалась как отношение к документу, в результате чего появляется книга во всей полноте ее структурных компонентов, то новая тенденция — отторжения — есть деятельностное отношение к вторичным данным книги с целью их использования в новой функциональной системе. В этом отношении — исток нового слоя профессионального труда общественного субъекта — библиографической деятельности как цели и формы вторичного отношения к книге на основе ее вторичной структуры.

Усложнение библиографической деятельности, ее профессионализация приводит к возможности и необходимости для целей многоаспектного движения книги обратиться не только к вторичной, но и к фундаментальной структуре книги, к анализу ее содержания в целях вторичного (библиографического) информирования. Закономерностью библиографирования становится не только адекватное воспроизведение вторичной структуры книги, но и распределение некоторых элементов предшествующих видов труда. Это характеризует библиографическую систему не как систему «свертывающую», но совсем наоборот — развертывающую. Приведем пример.

Процесс более глубокого вторичного отношения к книге фиксирован О. П. Коршуновым в понятии субдокументального уровня библиографирования. Библиографирование содержания книги (указатель к содержанию) создает вторичную информационную структуру, основанную на новом типе деятельности. Ее цель — провести анализ содержания книги, аналогичный тому, как автор анализирует содержание в поисках

наилучшего названия документа, но противоположный по масштабам и задачам: не сконцентрировать все содержание документа в едином названии, тем более предпочтительном, чем оно короче и адекватнее, а наоборот — дать книге столько рубрик (названий), сколько предметов в ней содержательно рассмотрено. Эта деятельность становится библиографической, поскольку она есть вторичное отношение к книге, хотя и выполняется часто самим автором. Тем самым мы хотим сказать, что аффинная библиографическая информация, то есть сведения о документе, не потерявшие родовой связи с ним, не ограниченное явление, а глубоко и органически пронизывающее книгу развивающееся вторичное образование. В рассмотренном (субдокументальном) смысле — это введение вторичной (библиографической) деятельности в фундаментальную структуру книги — ее содержание. В этом процессе есть революционный момент: создан новый уровень аффинной библиографической информации, которая в условиях автоматизации особенно активно уходит из книги, чтобы создать независимую предметно-поисковую структуру книги, находящуюся вне ее и сближенную с самим научным знанием. Историческим прецедентом субдокументального библиографирования может служить развернутое название книги XVI—XVIII вв., вынесенное на титульный лист.

Приведенные соображения о природе и взаимосвязях первичной и вторичной структур книги могут послужить некоторой основой ее характеристики. С библиографической точки зрения, основанной на деятельностном подходе, книгу от докнижной формы отличает уровень развитости вторичной структуры, предназначенной для динамизации обращения книги в относительно широком слое потребителя.

Отсутствие в документе результатов развитой вторичной деятельности свидетельствует о наличии документа, но еще не книги. Это может быть архивный вариант, рукописная книга, находящаяся в автокоммуникации, документ, не претендующий быть книгой. На пути к книге существует современная переходная форма — депонированная рукопись, ставшая в новых исторических условиях аналогом рукописной книги допечатного периода.

Вопросы терминологии. Деятельностный подход к анализу структуры книги выявляет некоторые если и не совсем новые, то во всяком случае уточняющие моменты взаимоотношений книги и библиографической информации, определяющие развитие последней. В такой ситуации всегда требуется введение новых или несколько иное объяснение смысла известных терминов. Приведенный выше пример терминирования форм существования библиографической информации (афинной, зависимой, полузависимой, диагенетической) важен, поскольку без четкого понимания их смысла можно долго спорить, что такое библиотечная или книготорговая библиография. Ясно, что обслуживая эти области, библиографическая информация, генетически связанная с книгой и сферами ее локального бытования, стремится выполнить не только данную ограниченную функцию, но и обрести свободную и гибкую универсально-независимую (и потому универсально-обеспечивающую) форму. Это стремление тем более успешно, что оно обеспечено наличием вторично-деятельностных атрибутов книги и перспективой формирования относительно независимой библиографической деятельности. Но это только один пример.

Второй понятийно-терминологической задачей является анализ основного термина «библиография», для которого всеми исследователями фиксируется факт исторического изменения семантики — от книгописания к книгоописанию.

Правомерно ли использование термина «библиография» в смысле «книгоописание»? Какова в этом процессе действительная роль перехода от рукописной к печатной книге? Можно ли опираться в решении этого вопроса на генетическое единство книги и библиографической информации? Эти вопросы не обсуждались, а ответ был как бы полностью исчерпан простым указанием на этимологию слова-термина, возродившегося после длительного забвения в несколько ином смысле⁸. Но между античностью и семнадцатым веком — условными датами перехода термина «библиография» в новое значение, пролегли не просто века истории, но коренные изменения документальной коммуникации. Были накоплены массивы документов-книг, исчез труд переписчика, появились книги в книгах. И в ходе создания этих книг нового типа произошли свои разительные перемены. Если от момента начала книгопечатания до появления первых крупных универсальных указателей книг прошло не менее столетия (как об этом свидетельствует история библиографии в Западной Европе и в России), то затем библиографическое наблюдение за книгой сократилось во времени, стало ежедневным и разнообразным по задачам, формам, результатам. Однако мы пользуемся все тем же термином, не отмечая ни нового содержания общественной библиографической системы, ставшей развитой областью профессиональной деятельности, не объяснив

⁸ См.: Симон К. Р. История иностранной библиографии.— М., 1963.— 736 с.

точно и первой семантической трансформации. Лишь недавно стала отмечаться и исследоваться и многозначность термина. Попытаемся взглянуть на эти вопросы иначе.

Исторический этап существования рукописной книги показывает, что книгописание — термин и процесс, имеющие двойственный смысл: автор пишет книгу и переписчик пишет книгу. В самом акте писания книги заключен исток исторического разделения труда — творческого создания книги в ее содержательном (идеальном) плане автором и репродуцирующей деятельности создателя рукописных копий. Повторение книги возможно лишь потому, что она и как материальная форма создана автором. Однако дубликатор, сохраняя содержание книги, весьма творчески решает другие задачи материализации, являясь тоже ее творцом. Итак, рукописная книга в общем смысле есть результат деятельности двух видов — творческого труда создателя содержания рукописи и первого экземпляра будущего тиражированного документа и переписчика, давшего своим искусством материальную жизнь книге.

Переписчик создает (тиражирует) материальную документированную форму научного и эстетического отражения действительности и то, что он вкладывает в нее — фундаментальный труд создателя материальной формы и одновременно новый вид труда создания вторичных элементов (сведения в колофоне). История свидетельствует, что словом «библиограф» называли переписчика книги, то есть смыслом слова был новый вид деятельности. Это означало появление и словесную фиксацию нового общественного отношения к документу и его автору.

Активная роль переписчика, хотя и ставшая лишь этапом мировой истории книги, закрепились в деятельности

библиографа, который до сих пор продолжает «писать» книгу, но уже не полный текст, а те ее части, которые постепенно вырабатывались в книге и стали совокупными аффинными библиографическими сведениями, ее вторичной структурой. И библиограф стал переписчиком вторичной структуры, отчего его труд приобрел вторично-документальный вспомогательный характер, цель которого — оптимизация общественной документальной коммуникации. Акт фиксации вторично-документальных сведений есть материальное начало и основа библиографической коммуникации. Отсюда — историческая закономерность употребления термина «библиография» в его модифицированном смысле — **книгоописание**. Это историческое изменение семантики термина. Такая модификация имеет под собой революционизирующую основу — она отражает новый вид общественной деятельности. В ней появляются новые моменты.

Во-первых, деятельность книгоописания по сравнению с книгописанием гораздо более кратка во времени, что позволяет «переписывать» множество книг. Она менее связана с содержанием книги, не имея к нему непосредственного отношения через переписываемый текст. Внешние данные книги становятся главным объектом воспроизведения, но полного отречения от содержания не происходит, поскольку оно закреплено в них.

Во-вторых, книга многократно обретает вторую жизнь, повторяясь в новой системе отражения. Тиражируется уже не книга как документированный квант науки, а извещение о ней как материальном объекте, несущем определенное содержание. И эта новая форма жизни книги заложена в ней самой, но приведена в действие переписчиком нового типа. Переписчик книги исчез, а переписчик ее аффинных данных — библиограф —

остался. Его труд обладает особой емкостью.

В-третьих, развивается активность нового субъекта. Действия его направлены на отражение документа-книги в диалектическом библиографическом пособии — новой исторической форме документа, за которой стоит процесс разделения труда, направленного на создание книги, сохранение ее в памяти поколений, обеспечение потребностей общества в ней через вторично-документальную коммуникативную систему.

Книга сохраняет генетическое родство разных видов деятельности, которые являются основой дифференциации коммуникативных систем. Процесс воспроизводится при создании каждой отдельной книги (издания). Активным субъектом, интегрирующим все виды деятельности в их истоке, является автор, создающий содержание и облекающий его в форму документа. То есть начало процесса документальной коммуникации не имеет ни библиографической, ни книжной природы и формы. Книгой становится не каждый документ, а тот, в котором достигнут определенный уровень описания и обобщения, своего рода масштаб, отличающий книгу от статьи, благодаря чему общество декретирует все виды деятельности и материальные затраты на ее производство. Именно по признаку общественной значимости книга была, есть и будет фундаментальной формой документа, подлежащего библиографическому отражению, а книговедческий взгляд на вторично-документальную (библиографическую) систему — основой ее концептуального отражения и терминирования.

Использование термина «библиография» в смысле «книгописание» правомерно, исторически обусловлено

переходом от рукописной книги к рукописному воспроизведению ее аффинных данных, но, как это часто бывает, объяснение исторически изменившейся семантики термина приходит тогда, когда на очереди новые проблемы и содержание понятия еще дальше уходит от простого этимологического объяснения. Действительно, можно сказать, что подобно тому, как техническая революция в книгопроизводстве ликвидировала труд переписчика, но породила библиографа, современная научно-техническая революция, вторгаясь в библиографическую практику, способна ликвидировать рукописную форму библиографического труда. Но не сам труд по его сути, вызванный общественной необходимостью, и не библиографа. Это значит, что основным в содержании понятия «библиография» является то, что формирует ее как профессиональную деятельность. Техническое совершенствование всегда означает наличие относительно высокого уровня развитости определенной деятельности и современная НТР стимулирует осознание термина «библиография» в новом историческом значении области общественного труда по производству и распространению библиографической информации.

Следующая понятийно-терминологическая проблема вызвана потребностью ввести исходные общие разграничения, без которых остаются неясными, спорными некоторые вопросы дифференциации библиографии.

Дифференциация библиографии есть важнейшая процедура исследовательского анализа. Глубже всего она реализована на массиве библиографических документов. Соглашаясь с идеей Ю. А. Чяпите⁹ о том, что дифференциация библиографических пособий есть основа диагностирования ви-

⁹ Чяпите Ю. А. Проблемы классифицирования библиографических пособий и библиографии: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. — Л., 1978. — 20 с.

довой структуры библиографии в целом, обратимся к поиску наиболее общих признаков дифференциации, которые складывались исторически и наблюдаемы в книге, а затем и в библиографическом пособии.

Ю. С. Zubov¹⁰ рисует процесс дифференциации библиографических пособий на основе изменяющихся форм развития науки, в генетической структуре которой выделяется качественно-хронологический ряд: энциклопедичность — дифференциация — интеграция. По признанию некоторых ученых, эти процессы составляют «внутренний закон» науки. Влияние генетической структуры науки, по мысли Ю. С. Zubova, определяет первую дифференциацию — «содержательно-предметную» с делением на универсальную (в национальных или языковых границах), комплексную, отраслевую библиографию. Затем сформировались другие внутренние структуры библиографии (точнее — библиографических пособий).

Эта позиция, с нашей точки зрения, нуждается в уточнении. Библиографическая система реагирует на «внутренние законы» науки, но не непосредственно, а через первичный документ (книгу) и реализует свои функции, исходя из закономерностей движения документальной системы и апеллируя к ней. Поэтому в рассуждениях Ю. С. Zubova не хватает одного звена — книги, ее реакции на глобальные исторические процессы в науке. Очевидно, имеет место своего рода отождествление функций первичной и вторичной документальных структур, по идее Ю. С. Zubova могут быть отнесены скорее к проблеме взаимосвязи науки и ее первично-документального отражения. Для анализа отношения

вторичного документа к научному знанию надо учесть особенности книгоиздательской практики, ибо она накладывает на вторичную систему свой отпечаток, формируя документальные структуры в соответствии с весьма разнообразными влияниями. Поэтому связь «наука—вторичный документ» требует ряда коррекций с учетом особенностей функционирования книги. Они таковы.

Первая. Система «книга» никогда не была и не может быть содержательно адекватна системе «наука». Она дает неполную общую панораму научного знания, подобно тому, как художественная панорама воспроизводит историческую битву в общих чертах.

Вторая. Система «книга» всегда отстает во времени от развития научного знания. Поэтому содержательный аспект данной системы существенно ретроспективен.

Третья. В анализе процесса «дифференциация—интеграция» науки, проецированном на книгу, нужно учитывать специфическую междокументальную интеграцию, поскольку книга имеет библиографическое оснащение, связывающее ее с другими книгами, а совокупности книг специфически интегрируются библиографическими источниками.

Четвертая. Особенности библиографического документа определили его дальнейшее отставание от содержания науки (еще более неполная панорама науки и книги, т. е. учитывается не вся печатная продукция), усиливали его ретроспективный потенциал.

Библиографическая информация в своих энциклопедических истоках дала образцы широкого охвата книг (на

¹⁰ Zubov Ю. С. Библиография как система свернутого знания.— В кн.: Теоретико-методологические проблемы современного советского библиографирования. М., 1981, с. 23—40.

основных языках науки, независимо от места публикации). Эти первые ретроспективные своды затем трансформировались в менее крупные универсалии в рамках государственно-национальных объединений с наступлением капитализма. Универсальное библиографирование стало осуществляться на базе документов одной страны. При этом глубина ретроспекции уменьшалась, нарастала тенденция становления текущего учета. Особенности библиографической системы все сильнее определялись практикой книгоиздания и книгораспространения данной страны, поэтому первыми основаниями дифференциации (и признаками ограничения независимости диагенетической библиографической информации) стали те, что присущи книге как историческому продукту материальной культуры — ее форма, время, место издания и библиографического отражения. Для ранних исторических форм книги — рукописной и первопечатной, обладающих неразвитой вторичной структурой, сложились специальные научные области. Признаки времени и места издания печатной книги легли в основание структуры библиографических документов, дифференцировав мировую библиографическую практику. Связь первичной и вторичной документальных систем по этим признакам более непосредственна и существенна, чем связь с научным знанием, поскольку она закреплена единой природой документа. Дифференциация по признаку времени и места издания книги и библиографического документа не разрушает системной целостности научного знания, является по отношению к нему и более общей, и специфически документальной.

Итак, первые ограничения независимой документальной универсальной системы библиографической информации связаны с признаками времени и места производства документа и его библиографирования. Поскольку эти признаки давно известны в библиографоведении, но не выделялись как исторически исходные и всеобщие, следует ввести понятие об общих разграничениях документальной библиографической системы в связи с ограничением времени и ограничением места и терминировать подсистемы мирового потока (массива) библиографических документов как таймерные и хронологические¹¹.

Таймерные (ограниченные по времени) подсистемы исторически первичны, зависимы в основном от первичного потока документов. Они имели межгосударственные и межкультурные истоки. Их исторический смысл вытекает из первоначального ретроспективного взгляда на документ, из необходимости восстановить сведения о массивах накопленных книжных богатств, историю книги. Далее временной квант сокращается, обретает актуальность и прогностический вектор.

Хронологические (ограниченные по территории) подсистемы производны, зависимы от общественного процесса образования государственно-национальных систем в условиях капитализма, от дифференциации мировой общественной системы книгопроизводства (в первую очередь) и книгораспространения (во вторую). Они отражают эту дифференциацию, но развиваются с учетом временного признака, уже вошедшего в практику создания вторичного документа. Это означает

¹¹ Термин «хронологическая» (система) образован от термина «хронология» — наука об областях распространения видов, семейств, групп (животных, растений и других объектов изучения), ограниченных территорией распространения.

возможность усложнения дифференциации библиографического документа на основе сочетания двух признаков. Так это практически и происходит в мировой библиографии. Прежде всего это касается универсальных по содержанию библиографических систем, поскольку отмеченное отставание документальных структур от науки позволяет длительное время не реагировать на дифференциацию научного знания, хотя она уже происходит и дает первые деления (медицина, право).

Универсальные таймерно-хорологические библиографические системы в любой момент истории выполняют интегративную функцию, охраняя энциклопедизм, более способные заботиться о единстве науки, чем сама наука. Но... только через документальную базу общества. Эти системы являются базой для развития общественно-функциональных подсистем, соответствующих основным общественным информационным потребностям. Ю. С. Зубов выделяет по этому признаку ряд: государственная, научно-вспомогательная, рекомендательная библиография. С нашей точки зрения, универсальные таймерно-хорологические системы (те, что традиционно терминируются как текущие или ретроспективные государственные или национальные деления) должны быть выделены, в отличие от позиции Ю. С. Зубова, не как одно из направлений многоаспектной классификации, а как фундаментальный ряд дифференциации по признакам, исторически первоначальным. Очевидно, все другие

признаки следует считать производными, детализирующими исходные. Они объединены общим свойством — зависимостью от внутренней структуры книги, от книжного дела, от использования документального потока в определенной сфере общественной практики и программно-целевой ситуации. Таким образом, возможно установление исторической иерархии признаков книги и дифференциации первичного и вторичного документальных потоков в соответствии с иерархической структурой признаков. В истоках же глубокой дифференциации мирового вторично-документального потока лежит его объективная таймерно-хорологическая структура, исторически сложившаяся на основе книгоиздательской практики в пределах государственно-национальных объединений.

Особого рассмотрения требуют процессы развития вторично-документальной системы в ее связях с наукой, но не в рамках данной статьи.

Историческая логика подсказывает, что книга и библиографическая информация возникли и развиваются как единое целое, дифференцированное и специализированное через относительно самостоятельные деятельности системы, которые есть общественно-необходимая форма содействия потребностям человечества в оптимизации отношений в системе «книга—читатель». При этом библиографическая система решает свои аналитико-синтетические задачи исходя из особенностей книги.

Кафедра общей библиографии
Московского государственного института культуры

Вручено в апреле 1983 г.

THE BOOK AND THE BIBLIOGRAPHICAL INFORMATION (HISTORICAL SPRINGS OF UNITY AND WAIS OF THE DIFFERENTIATION)

EMILIJA BESPALOVA

Summary

The problem "the bibliography and the book work" is not elucidated to the end.

This article deals with the analysis if different kinds of activity (primary and secondary) formed historically during the process of creation of the modern book. Due to the secondary kind of work a secondary information about the book itself is found in the book.

The secondary (bibliographical) information ensures the circulation of books in the society.

The bibliographical information in a book (the so called affined information) is the base of the bibliographical activity which produces an independent (diagenetical) document called a bibliographic book.

Bibliological view on the bibliographical system permits to study the history of its evolution in close connection with the history of the bookprinting and the book trade.

The bibliographical craft and the bibliographical documents became the part of the social structures confined by the time and the territory. The general differentiation of the world bibliographical process started.

The differentiation of the bibliographical systems in to subsistems confined by the time and the territory is the starting point of the general differentiation. After that a more versatile differentiation of the bibliographical craft followed.